

БЕЛОРУССКАЯ ТЕМАТИКА В ДЕБАТАХ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В 1997—2004 гг.

Мирослав Хабовский, доктор наук,
Вроцлавский университет

Темой статьи является место Республики Беларусь в парламентских дебатах по поводу направлений польской внешней политики в 1997—2004 гг. Значение начального периода времени обусловлено тем, что в 1997 г. в Польше в силу вступила новая конституция, что означало конец периода политических преобразований. В том же году был избран Парламент III Созыва, в котором большинство мандатов получили партии, образованные на основе движения «Солидарность». Правящие в 1993—1997 гг. партии, происходящие из государственного строя Польской Народной Республики, Союз демократических левых сил (SLD) и Польская крестьянская партия (PSL), оказались в оппозиции. Премьер министром был избран Ежи Бузек (Избирательная акция Солидарность, [AWS]), а министром иностранных дел — Бронислав Геремек¹ (Уния Свободы, [UW])². В июле 1997 г. решение о начале переговоров по поводу вступления Польши в Североатлантический Альянс было принято НАТО, а в декабре того же года Европейским Союзом (на заседании Европейского Совета в Люксембурге).

В 2001 г. в парламентских выборах решительно победил Союз демократических левых сил (SLD), который в коалиции с Польской крестьянской партией (PSL) создал правительство с премьер-министром Лешекком Миллером во главе. Министром иностранных дел был назначен Владзимеж Чимошевич³. В результате внутренних конфликтов в SLD, Л. Миллер был вынужден уйти с должности председателя Совета Министров и сделал это в начале мая 2004 г., сразу же после того, как Польша вступила в Европейский Союз. Эта дата является окончательным периодом времени настоящей статьи. Во время всего анализируемого периода, должность президента РП занимал Александер Квасьневски (1995 — 2005).

Сейм Республики Польша является одной из двух палат польского парламента. Согласно статье 95 пар. 1 Конституции РП, исполняет он вместе с Сенатом законодательную функцию, а параграф 2 гласит, что «Сейм осуществляет контроль за деятельностью Совета Министров в пределах, определенных положениями Конституции и законов». Таких компетенций нет у Сената. В результате, Сейм является органом, который в большей степени, чем Сенат влияет на формирование внешней политики Республики Польша.

Однако следует подчеркнуть, что внешняя политика является областью исполнительной власти. Причем компетенция Совета Министров значительно больше, чем президента РП. Как указано в статье 146 пар. 1 Конституции, «Совет Министров осуществляет внутреннюю и внешнюю политику Республики Польша». Термин «осуществление политики» польское законодательство не относит к президенту⁴.

Одной из форм контроля Сейма над правительством является обязанность Совета Министров ежегодно представлять информацию по поводу направлений внешней политики государства. Представляет её министр иностранных дел, а затем проводится дискуссия, после которой депутаты получают ответы на поставленные ими вопросы и замечания.

Основное направление внешней политики III РП синтетическим образом представил депутат Марчин Либицки (AWS — Христианско-Народное Объединение): «После 1989 года польская внешняя политика теоретически предстала перед тремя возможностями. Первая касается урегулирования своих отношений вытекающих из союзнических отношений и договоров с Россией, нашим восточным соседом. Второй теоретической возможностью было бы остаться в нейтралитете, в сотрудничестве с другими небольшими государствами Центральной Европы. Третья возможность — это союзническая связь с Западом. Подавляющая часть общественного мнения, подавляющая часть политиков, правильно ли это или нет, при наличии удовлетворяющих аргументов или без удовлетворяющих аргументов, стала на стороне выбора западного направления. В таком случае, теперь речь идет только о таком выборе»⁵.

Следует заметить, что каждое из этих предложений проистекало из совершенно разных диагнозов по поводу признания того, кто является главным врагом Польши. Первый вариант — альянс с Россией — исходит обычно из предпосылок, что Германия является главным врагом Польши. Он близок, особенно бывшим сильными в первой половине XX века, правым национально — католическим силам, хотя после 1989 года они были маргинализированы партиями пост-солидарности. Эти политические круги с большим уважением и симпатией относятся к Беларуси. Второй вариант — центрально-европейский — относится к концепции сторонников Пилсудского и считает врагами как Германию, так и Россию. Он тоже оказался мало значимым в анализируемом периоде времени (группа депутатов Конфедерации Независимой Польши — Родина, которая ушла из AWS). Третий вариант — прозападный — главную угрозу видит в России. Такое восприятие ситуации было свойственно для главного политического движения «Солидарность». Такое направление приняли также посткоммунистические левые силы (SLD), которые не проявляли антироссийских

предубеждений⁶ и высказывались за улучшение польско-белорусских отношений, но старались заслужить доверие на Западе. В действительности SLD оказалось решительно проатлантической силой⁷. В результате, в ситуации конфликта США — Россия они не были в состоянии улучшить состояние польско-российских и польско-белорусских отношений в стратегическом измерении. Следует однако заметить, что правительство Л. Миллера не подключило Польшу к антибелорусским санкциям Запада.

Польские министры иностранных дел утверждали, что интенсивность польско-белорусских отношений зависит от векторов внешней политики, которые примет Минск. В 1998 г. министр Б. Геремек говорил: «Масштаб и характер наших отношений с Беларусью будет зависеть от (...) её точки зрения в важных международных вопросах. (...) Целью Польши не является изоляция Беларуси, а скорее всего сломление её самоизоляции и содействие её возвращению к сообществу демократических государств»⁸ (то есть уговорить Минск выбрать про-западное направление).

Год спустя, позиция Б. Геремека была немного более конкретна: «Важную роль сыграет также отношение Минска к основным международным вопросам, в настоящее время во многих областях противоречащее нашим интересам безопасности»⁹. Геремек отвергал предпосылки о том, что часть ответственности за плохое состояние взаимоотношений находится на стороне Польши: «Мы готовы поддерживать наилучшие отношения с Беларусью. Для танго нужны двое. У польской стороны имеются инициативы, я встретился пару дней назад во время одного международного мероприятия с министром иностранных дел Беларуси и надеюсь, что в настоящий момент, когда президент Лукашенко всё-таки не решился на агрессивное присоединение к косовскому и югославскому вопросу, возможно является хорошим признаком»¹⁰. Сложно не заметить циничности этого высказывания, принимая во внимание то, что страны — участницы НАТО совершили нападение на Югославию и под «агрессивностью», министр Геремек явно подразумевал «осуждение войны».

Министр В. Бартошевски продолжал политическую линию своего предшественника: «Трудным опытом нашей восточной политики является прежде всего Беларусь, страна, находящаяся в центре континента, которая под правлением президента Лукашенко погружается в самоизоляцию и дрейфует к политической периферии Европы. В отношениях с Беларусью, польская политика построена на предпосылке, что интересам Польши соответствует независимость этой страны»¹¹. Смена правительства немного изменила риторику правительства. Министр В. Чимошевич «международную самоизоляцию» Беларуси сопоставлял с её внутренней ситуацией, оставляя в стороне аспект геополитического конфликта.

Следует иметь в виду, что это произошло в период краткосрочной оттепели в американско-российских отношениях после 11.IX.2001 г. Чимошевич заявил об актуализации предпосылок политики по отношению к Беларуси, для реализации которой «нужна будет оценка её настоящих принципов и результатов, особенно относящаяся к общественному, приграничному и экономическому сотрудничеству. Эта задача примет во внимание более широкие переговоры с Европейским Союзом и другими западными партнерами»¹².

В Информации правительства на тему польской внешней политики в 2003 г. В. Чимошевич утверждал: «Нашими отношениями с Беларусью руководит принцип добрососедства. Мы вполне разделяем предпосылки, на которых были основаны ограничения, принятые Европейским Союзом и США по отношению к членам белорусского правительства. Наши специфические соседские интересы требовали других действий и это было хорошо осознано. Нашей целью является содействие, несмотря на явные преграды, белорусской независимости, демократии, экономическим реформам и проевропейским направлениям»¹³. В последнем *expose*, перед вступлением Польши в ЕС, министр Чимошевич заявлял, что польскую «политику по отношению к Беларуси будет осенять цель укрепления её независимости и субъектности в международных отношениях»¹⁴.

В анализируемом периоде некоторые депутаты считали, что Беларусь полностью зависима от России¹⁵. Согласно другим (Анджей Велёвейски, УС [UW]), безуспешный факт создания союзного государства Беларуси и России «не должен перечеркивать белорусских шансов на идентичность и государственную независимость»¹⁶.

Что подразумевалось под термином «независимость» или «государственная независимость»? Следует изъяснить, что они не обозначали независимости или же самостоятельности и неподчинения ничьей власти (суверенность воспринимаемая как самовластие и всевластие). Скорее всего под ними подразумевалась независимость от России и сближение с западными структурами. Наилучшим образом такое восприятие проявилось в речи председателя парламентского клуба Унии Свободы Ежи Верховича, который сначала релятивизировал категорию «суверенности»¹⁷, чтобы потом произнести клише о значении независимости Беларуси для Польши. Он не объяснил, является ли Беларусь одним из тех 3-4 мировых гигантов, которые, согласно его мнению, могут себе позволить суверенность — иным образом, чем Польша, которая таким гигантом не является и поэтому должна «добровольно» передать свою суверенность Европейскому Союзу.

Депутаты пост-солидарностных партий очень критично оценивали белорусскую политику министра Чимошевича. Следуя американской прессе,

они обвиняли Беларусь в поддержке терроризма и удивлялись, что правительство несерьёзно относится к таким новостям и отказывается их комментировать¹⁸, а также тому, как Польша может не присоединиться к антибелорусским санкциям, «не смотря на то, что Соединённые Штаты (...) по этому вопросу готовят специальную резолюцию, которая будет требовать восстановление нормальности в Беларуси»¹⁹. Депутаты Гражданской Платформы (Platforma Obywatelska [PO]) критиковали Чимошевича за предполагаемую неэффективность его политики по отношению к Минску²⁰ или за сам факт разговора с белорусским министром иностранных дел²¹.

С другой стороны, политику правительства левых сил критиковали национально-католические правые силы. Их выдающийся представитель, Мачей Гертых из Лиги Польских Семей (Liga Polskich Rodzin, LPR) предупреждал, что политика интеграции с ЕС обозначает подчинение Польши Германии и приводит к тому, что с Россией Варшава ведёт переговоры, пользуясь посредничеством Брюсселя, и в результате бросает Беларусь в объятия Москвы²².

Следует подчеркнуть, что геополитический элемент — расхождение главных векторов внешней политики обоих государств — появлялся в выступлениях польских политиков обычно на втором месте. На первом плане рисовался идеологический фактор. Министр Геремек утверждал, что состояние взаимоотношений будет зависеть от «развития внутренней ситуации» в Беларуси и подчеркнул, что имеет в виду прежде всего отношение властей этой страны к вопросу «соблюдения прав человека и демократических свобод»²³. В 2003 г. Б. Геремек сделал шаг вперёд и заявил о «содействии, совместно с другими государствами, эволюционным переменам»²⁴ в Беларуси. Весьма существенно то, что этому предвестию предшествовал диагноз, что ситуация в этом государстве является потенциальной задачей для стабильности в регионе. Таким образом, он раскрыл глубокую связь идеологического фактора с геополитическим. В ответ на сомнения депутатов по поводу правильности такой точки зрения, он ответил: «в вопросе, касающемся Беларуси, мы должны просто-напросто делать своё дело, говорить правду²⁵, стараться сохранить хорошие отношения, но не иметь иллюзий. (...) Когда я говорю о том, что это может привести к ситуации с последствиями для региона, то прежде всего потому, что исторический опыт нас учит тому, что отсутствие демократии приводит всегда к возможности потенциальных конфликтов и потенциальных угроз. Манифестации на улицах Минска подтверждают это»²⁶.

Манифестации на улицах Варшавы и блокада дорог польскими фермерами явно показывали, что Геремек прибег к одной из либеральных идеологических догм, а не к «историческому опыту».

Демократические и либеральные клише по отношению к Беларуси высказывал так же министр В. Чимошевич²⁷, о чём уже было упомянуто выше.

Среди депутатов, наиболее решительно в защиту политики демократического крестного похода выступал Александр Халл (AWS). Он весьма эмоциональным образом отреагировал на выраженное Л. Миллером убеждение, что его беспокоит состояние отношений с Беларусью. А. Халл нанёс ответный удар: «Господин депутат Миллер, наверняка соглашаясь с общими предпосылками польской внешней политики, высказал, однако, несколько опасных и ложных мнений. Первое связано с сомнениями, касающимися плохих польско-белорусских отношений, предполагая, что не без вины здесь и польское право-центристское правительство или польские право-центристские силы. Так вот, мы желаем хороших отношений с Беларусью, но Польша не может не замечать и не может не оценивать того, что происходит в Беларуси. Польша, польская демократия имеет право ясно выражать свою поддержку тем силам в Беларуси, которые связаны с демократическими идеалами. Это не является вмешательством во внутренние дела Беларуси»²⁸. Цитируемый политик, которого его друзья из лево-либеральных средств массовой информации представляют как ведущего польского консерватиста, вероятно даже не осознавал того, что таким образом оправдывал поддержку, оказанную коммунистам в Польше накануне 1939 г. Советским Союзом.

Однако критика миссионерского подхода появлялась во многих высказываниях депутатов — в частности политиков PSL, SLD, а также национально-католических правых сил (также тех её представителей, которые одобрили западный вектор польской политики)²⁹. Во время правления Л. Миллера, Ежи Яскерня (председатель парламентской комиссии по иностранным делам) требовал оживления отношений с Беларусью. Он обращал внимание на противоречие, проистекающее из возможности воплощения геополитических и идеологических целей одновременно: «Европа обижается, потому что нет прогресса в области демократических процессов, но с другой стороны, если мы отворачиваемся, то тем самым не поддерживаем те силы, которые могли бы те демократические процессы усилить. В таком случае, не следует ли Польше всё-таки выступить из ряда даже с какой-то долей риска?»³⁰

Конечно же, возникает вопрос: не является ли демократическая фразеология, предполагающая, что целью такого оживления взаимного сотрудничества должна быть более эффективная демократизация Беларуси, своего рода дымовой завесой, а фактическая цель ее состоит в

выгоде и преимуществах, исходящих из самого факта сотрудничества для обоих государств?

Аргумент, который по моему мнению, лучшим образом свидетельствует о том, что демократическая фразеология, выделенная на первом плане, в сущности второстепенна по отношению к геополитическому фактору, был сформулирован депутатом Еугениушем Чиквином (SLD). Он спрашивал, чем отличается государственный строй Беларуси от политических строев других пост-советских государств — в том числе таких, с которыми Польша поддерживает очень хорошие отношения. Вопрос, конечно же, имел риторический характер³¹.

Среди аспектов *stricte* двусторонних польско-белорусских отношений, больше всего внимания посвящалось общественным отношениям. Особенно долго обсуждались визовые вопросы. Политики SLD критиковали правительство Е. Бузека за введение регулирования, целью которого было «уплотнение восточной границы» посредством визовой политики. Этот вопрос снова появился в конце анализируемого периода в контексте введения виз в связи с вступлением Польши в ЕС. Внимание обращалось на необходимость активной деятельности польских неправительственных организаций, культурных и научных институций³², а также экономического сотрудничества.

В некоторых выступлениях (особенно Тадеуша Самборского, PSL, а также Романа Гертыха, LPR) появлялись вопросы польского национально-меньшинства в Беларуси. Для Александра Малаховского (левый Союз Труда) существование многотысячного польского национального меньшинства в Беларуси и белорусского в Польше было причиной, по которой Польша должна была отнестись к Беларуси по-другому, чем остальные государства — таким образом он отнёсся к постулируемой либералами из Гражданской Платформы политики изоляции Беларуси³³.

Стоит обратить внимание на вопросы, которые не появлялись в обсуждениях и парламентских дебатах. Следует прежде всего подчеркнуть, что никакие территориальные претензии по отношению к Беларуси не были сформулированы. Польша полностью признаёт результаты Второй мировой войны и современную, измененную против её интересов в 1945 г., черту своей восточной границы. В выступлениях не появлялся отрицательный стереотип белорусского народа. Это потому, что у поляков в принципе не имеется отрицательного исторического опыта многовекового сожительства с белорусами. Враждебная по отношению к белорусскому государству пропаганда основана скорее всего на отношении к анти-русскому стереотипу³⁴.

---

¹ Бронислав Геремек (1932 — 2008) — р. под именем Вениамин Леверот в семье среднего класса. В 1940 г. был заключен немцами в варшавском гетто, из которого сбежал в 1942 г. и скрывался в доме Стефана Геремека. После войны, в 1950 г. вступил в коммунистическую польскую объединенную рабочую партию. Ушел из партии в 1968 г. и стал активистом оппозиции (близкий соратник Леха Валенсы). В период 1989 — 2001 был членом парламента: до 1997 г. председатель парламентского комитета по иностранным делам. С 2004 г. до момента смерти в 2008 г. — депутат Европейского Парламента (член Альянса либералов и демократов за Европу).

² В июне 2000 г. распалась коалиция правительства и министром иностранных дел назначен был Владислав Бартошевский (р. в 1922 г., во время Второй мировой войны был заключенным в немецком концлагере Аушвиц [Auschwitz]) и участником движения сопротивления. После 1945 г. был активистом антикоммунистической оппозиции. После 1989 г. был послом Польши в Австрии, в 1995 г. и в 2000—2001 г. был министром иностранных дел.

³ Владзимеж Чимошевич (р. в 1950 г.) — в период 1971—1990 гг. был членом польской коммунистической партии, с 1989 г. — член парламента (в настоящее время является председателем комитета по иностранным делам в Сенате). В 1996 — 1997 гг. был премьер министром, а в 2001—2005 гг. был министром иностранных дел.

⁴ «Президент Республики Польша является верховным представителем Республики Польша и гарантом непрерывности государственной власти» (ст. 126, пар. 1 Конституции РП).

⁵ Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998).

⁶ Л. Миллер (SLD): «стоит избавиться от различных предубеждений по отношению к восточным соседям», Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998). Некоторые депутаты SLD выражали понимание по отношению к опасениям России и Беларуси в связи с расширением НАТО, но не постулировали приостановления этого процесса, а ведение «более эффективных» переговоров с этими государствами, так чтобы развеять их опасения и улучшить взаимоотношения. Это казалось обманчивой надеждой, так как никакие переговоры не могли изменить начала перемен в конфигурации сил в Центральной Европе. Однако, в ответ Геремек не занялся этим вопросом, но поставил под сомнение вообще рациональность опасений питаемых в Москве и в Минске. Сейм III Созыва, 45 заседание (5 III 1999).

⁷ Ю. Олексы (SLD): «Польская восточная политика проявляет её отношение к пространству, на котором можно и надо воплощать польские стратегические интересы. Надо это делать, тем более, что строя будущие отношения с Россией, Украиной или с Беларусью, будем реализовать сегмент общеевропейской политики. Надо согласиться с мнением, что национальный интерес состоит в том, чтобы польская восточная политика была именно частью европейской восточной полити-

ки», Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998). В контексте «цветных революций» министр Адам Ротфельд говорил: «в Польше тревогу вызывает состояние дел в Беларуси (...). Мы поддерживаем демократические и проевропейские устремления общества в этой стране. Вместе с нашими европейскими и трансатлантическими партнёрами мы стараемся совместно формировать политику Запада таким образом, чтобы демократические и либертарные тенденции в Беларуси могли рассчитывать на нашу полную солидарность», Сейм IV Созыва, 96 заседание (21 I 2005).

⁸ Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998).

⁹ Сейм III Созыва, 47 заседание (8 IV 1999). Противоречие это состояло в том, что Беларусь укрепляла связь с Россией, а Польша вступала в структуры НАТО. Имело оно объективный характер, но нельзя его было назвать своим именем, так как Польша в рамках противостояния российским действиям, стремящимся к предотвращению вступления Польши в НАТО, гласила, что страны сами должны решать в каких альянсах хотят участвовать и никто не имеет права в это вмешиваться. Варшава, однако, не была в восторге от того, что Беларусь принимала пророссийское направление. В официальной польской риторике определялось это как «самоизоляция» и признано было как угроза для независимости Беларуси – этот термин появился также в экспозе Геремека в 1999 г.

¹⁰ Сейм III Созыва, 47 заседание (8 IV 1999).

¹¹ Сейм III Созыва, 110 заседание (6 VI 2001).

¹² Сейм IV Созыва, 16 заседание (14 III 2002).

¹³ Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003).

¹⁴ Сейм IV Созыва, 67 заседание (21 I 2004).

¹⁵ Такую точку зрения выразили Адам Лозиньски (AWS – Porozumienie Centrum), Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998), Вальдемар Павловски (AWS), Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000). В парламентской дискуссии на тему Информации о позиции правительства по отношению к вопросу по переговорам о пересмотре Договора об обычном вооружении в Европе, депутат Мирослав Стычень (AWS) зашел в своем высказывании так далеко, что заявил, что «Россия не может делать вид, что не замечает и, что (...) действия правительства Беларуси, в частности администрации президента Лукашенко, России не касаются». В ответ министр Геремек указал на то, что Беларусь участвует в переговорах ДОВСЕ, является самостоятельным государством и «нас не устраивает то, чтобы мы соглашались с тем, что её великий сосед может уже говорить от её имени», Сейм III Созыва, 45 заседание (5 III 1999).

¹⁶ Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 1999).

¹⁷ Согласно этой точке зрения, представляющей основное направление польской политики, суверенность должна быть пересмотрена таким образом, чтобы можно было её подчинить правам человека – не указывая кто должен был определять их содержание и был бы уполномочен решать нарушаются ли они в данном

государстве или нет. Кроме того, соглашался, что «Европейский Союз образовался на основании понятия (...) о том, что подлинная суверенность в настоящее время является привилегией 3 или 4 государств гигантов, а малые и средние страны не в состоянии защищать своих прав в одиночку. Поэтому они сознательно и добровольно передали часть своей государственной суверенности в пользу коллективной суверенности». Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000).

¹⁸ Марек Суски (Prawo i Sprawiedliwość, PiS), Сейм IV Созыва, 16 заседание (14 III 2002).

¹⁹ Марек Суски, Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003).

²⁰ Богдан Клих, Сейм IV Созыва, 67 заседание (21 I 2004).

²¹ Мачей Плажиньски, Сейм IV Созыва, 16 заседание (14 III 2002).

²² Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003).

²³ Сейм III Созыва, 47 заседание (8 IV 1999). См. также Сейм III Созыва, 13 заседание (15 1998).

²⁴ Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000).

²⁵ Не совсем понятно, что мин. Геремек подразумевал под категорией «правды», так как близкие ему либеральные круги проявляют большой скептицизм в этой категории, а самому Геремеку приходилось использовать релятивистическую формулу «своя правда». См. Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998).

²⁶ Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000).

²⁷ Однако следует заметить, что в 2004 г. цель «поддержка структур гражданского общества» была поставлена на втором месте после геополитической цели: укрепление белорусской «независимости и субъектности в международных отношениях». Сейм IV Созыва, 67 заседание (21 I 2004). Имеет ли это связь с обострением российско-американских отношений в результате американской агрессии по отношению к Ираку?

²⁸ Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998).

²⁹ Юзеф Олексы, Михал Каминьски, Сейм III Созыва, 13 заседание (5 III 1998), Рышард Станибула, Здислав Тушиньски, Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000).

³⁰ Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003). Год спустя Е. Яскерня развил свой вывод, обращая внимание на то, что возможной областью сотрудничества для начала могло бы быть парламентское сотрудничество. Это высказывание следует особенным образом подчеркнуть, так как это произошло в период крупного конфликта Беларуси с ЕС.

³¹ Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003), 67 заседание (21 I 2004).

³² Б. Геремек, Сейм III Созыва, 47 заседание (8 IV 1999), Е. Вежхович, А. Кобелюш, Сейм III Созыва, 78 заседание (9 V 2000), Б. Геремек, Сейм III Созыва, 110 заседание (6 VI 2001).

³³ Сейм IV Созыва, 16 заседание (14 III 2002).

³⁴ Эхо такой пропаганды можно услышать хоть бы в высказывании Ярослава Качиньского (PiS), в глазах которого Беларусь – это «одна из последних в Европе, а может последняя полностью не демократическая страна», Сейм IV Созыва, 40 заседание (22 I 2003) – политический вывод председатель PiS сделал в духе романтического лозунга «За Вашу и нашу свободу».